

*Григорио Барбаро. Берендей, нимфа и
мавка*

Александр Бережной

Александр Бережной

Григорио Барбаро.
Берендей, нимфа и мавка

«Автор»

2026

Бережной А. В.

Григорио Барбаро. Берендей, нимфа и мавка / А. В. Бережной —
«Автор», 2026

Война, разгром, плен и побег остались в прошлом. Идёт по чужбине вольный человек, ищет путь-дорожку, что в край родной приведёт, песни поёт, нечисть местную гоняет, тем и живёт. Кого повстречает он в том краю? Что встречи те принесут?

© Бережной А. В., 2026

© Автор, 2026

Александр Бережной Григорио Барбаро. Берендей, нимфа и мавка

*Полно нам, вольным, горе горевать -
Есть у нас крупа и сало.
Кулеш сварим, будем пировать,
Эх... будем пировать*

Моя негромкая песня стелилась над простором воды, печальней, чем хотелось.
Иначе, совсем иначе звучала она, когда пели мы её у костра с побратимами, собравшись у походного котла.

*Полно нам, вольным, горе горевать.
Сабля вострая в руке.
Ворога мы будем ей рубать.
Эх... ей рубать.*

Что за блажь?
Слеза?
Да, нет... какие слёзы? То дым просто в глаза попал.
Махнул ладонью, отгоняя дым это предательский, да помешал кулеш деревянной ложкой.
Кулеша совсем немного было. И горсти крупы не набралось, зато там был лук и прочая зелень, что удалось мне берегу отыскать.

Да не на него сегодня мой расчёт был, а на три рыбины, что жарились, насаженные пруты. Жирные, кожа лопнула, жир стекает в огонь, шипит – и запах этот дурманит, заставляя кишки в узлы скручиваться.

*Полно нам, вольным, горе горевать.
С нами братья, сыновья, отцы и деды.
Ворогу ответом – защитой станицам.
Эх... защитой станицам.*

Эх... земля чужая... да и братья, кто в сече не сгинул, кто на имперских галерах остался...

*Всё дым этот, всё дым.
Отмахнулся от него, прогнал.
Подул на ложку, попробовал кулеш.
Подсолить бы, да вышла вся соль.*

Ничего завтра фряги расплатятся за то, что я чудо-юдо ихнее одолел, полегче станет. И крупы прикуплю, и соли, и может что из мяса. Никак мне без мяса нельзя – в нём вся сила.
А как не одолею, так ничего уж не надо будет мне.

*Полно нам, вольным, горе горевать.
Ждут нас дома жёны-дети.
Обнимем их и расцелуем их.*

Эх...

Водица прозрачная, камушки видно. Рыбка плещется.

Не похоже, чтоб тут чудо-юдо какое водилось.

Оно ведь совсем иначе, когда какая нечисть водится – завсегда тина там, запустенье.

Но то у нас так было, тут у фрягов иначе всё, и нечисть тут иная, дурная совсем, злая, молитвы не боится, считай совсем, поэтому всё больше колочу её да убиваю. Совсем не так у меня выходит, как в тех сказах, что дед Свирид сказывал. Дурнее.

Ложку в рот – кус рыбу.

Горячее, аж губы, в нутре жжёт, горит.

Прожевал, глотнул.

Повторил.

Чую: оживать прям стал.

Ох, какого труда стоило остановиться только на одной рыбине и не приканчивать весь кулеш.

Знаю я себя – обожрись и усну тут же.

А мне ж ещё нечисть изводить.

Что за чудо-юдо тут водится я так и не понял, но крови оно местным попортило довольно: мужиков в селении совсем не было, одни бабы были, видно, сгинули все, пытаюсь нечисть извести.

Посмотрел на свою рогатину, на нож...

Сабля-ты моя, подружка,

Ты прости меня – не уберёг.

И конь мой резвый – где ты?

Не с тобой я, не с тобой.

Я сам и не заметил, как опять запел.

Случалось со мной такое иногда.

И не всегда ведь сразу поймёшь это, заметишь.

Само оно собой как-то.

Было кто услышит – монету даст или еды какой. Но то всего раз-другой случалось, иные тут песни любят и поют: яркие, словно пламя костра, от которых в пляс так и тянет.

Вздохнул.

Прислушался.

Принюхался.

Чем-то не тем повеяло от воды.

Начинается, похоже.

Как оно часто и бывает – стоило солнцу только зайти.

Поднялся, рогатину в руки взял.

Пошла по воде волна.

Одна.

Другая.

Ту же минуту поднялся ветер.

Волны сталкивались, набегали друг на друга, поднимались всё выше, закручивались.

Выше моего роста стали.

- Господь мой, не помяни грехов моих, и укрепи меня свыше силою Твоею. Даруй мне бодр ум и сердце бестрепетно. Во имя Твоё, гряди, да будет воля Твоя. – прошептал я молитву, и поудобнее рогатину перехватил, ожидая, когда ж ринется на меня чудо-юдо в пруду обитающее.

В столбе водном проявилась тень и быстро форму обрела.

От неожиданности и удивления я знак защитный сотворил.

Дивчина.

Как есть дивчина.

Голая.

Вышла из того водяного столба, и смолк ветер, и стихли волны.

Вновь стал пруд гладким.

Пошла она ко нему, аки по суху.

Волосы – как струи, тёмно-русые.

Улыбается, наготы своей не стесняется.

Вот она какая беда с мужиками местными приключилась, а я думал – чудище какое, а тут – эта.

Отец Иннокентий нас стращал бесовским отродьем, в Писании помянутом, что врагом всех мужчин было, суккубом зовущейся.

Не думал, что свидеться придётся с эдакой стыдобой.

Она остановилась в двух шагах.

И протянула руку – не ко мне, к рогатине.

Тронула остриё.

Провела пальцем, что-то сказала, улыбнулась, пальцем поманила.

Я ей поманю.

Опустил рогатину.

Пошёл к кустам, где молодняк рос, наломал прутьев.

Может я язык здешний и не понимаю, но при помощи лозинки и молитвы объяснил бесовке этой бесстыжей, чтоб больше в пруду этом не появлялась, мужиков в искус не вводила.

Вся округа её крики визгливые слушала, но пока «К тебе Истинный» десять раз не прочитал, не отпустил, и только после уселся кулеш и рыбу доедать.

Поутру забрал монеты.

Тут же сменял часть на крупу и соль.

Без мяса – дорого больно оно выходило, пока иду вдоль реки, могу и рыбу поесть.

Когда я уже покинул селение, догнала меня одна из местных: узел протянула.

Я сразу унюхал – с едой.

Добрая душа.

Поклонился я мамаше, как водится, в землю.

Поблагодарил.

Подвесил к своему пополневшему узелку на рогатину и пошёл дальше, ногами своими босыми шлях-дорогу иноземную топча.

Шёл вольный да по тракту,

*По чужой он стороне.
Шёл он споро, шёл он с песнею:
«Ты лети скорей, дороженька,
Ты приведи меня домой!»*

Шёл вольный да по тракту...

С песней ноги веселей несли меня вперёд, ей же отгонял тоску-кручину, что готова была в сердце родиться, стоило повиснуть тишине.

Занимал ещё себя я и тем, что округу разглядывал.

Земля здешняя – не родной степи простор, где куда не кинь взгляд видно всё окрест, а холмами дыбится.

Виноград, пшеницу тут растят, как у нас, сады тоже есть, но не с яблоками, не с грушами, а с тем, что фряги «аранжами» называют, – рыжими плодами, если разодрать его пальцами, то брызнет он таким запахом, что в голове может помутить. Внутри – дольки, слаще мёда, но с кислинкой. А ещё есть сады, где у деревьев листья у них мелкие, жёсткие, и они переливаются, будто их серебром посыпали, под ними – маленькие шарики, зелёные и чёрные. Есть надо чёрные, мягкие, масляные, они спелые.

Косточки с аранжеев собрал, в узелке припрятал – будет и в нашем краю эта диковина расти. Землица у нас-то – палку вотки прорастёт, здешняя-то победнее будет – глина и туф, солнцем высушена, потрескалась, и в ней – камни. Много камней. Из камней тех стены понастроены, но то не для обороны, для порядку, как у нас плетни.

Дома у фрягов сплошь из камня.

Везде.

Даже самая захудала лачуга, что стоит одна на отшибе, и та – из камня.

Ну и нечисть.

Всегда к ней возвращаюсь.

Другая она тут.

Может от того это, что молятся они не так, как надо?

Увидал бы отец Иннокентий церкви здешние – дар речи потерял бы.

Я вот потерял, от величия и красоты.

Кругом всё высокое, белое.

Статуи везде, всё нарядное, в золоте, в окнах стёкла цветные, картины из Писания изображают.

И попы – наши им не чета – нарядно одеты. Безбородые только. А у кого и есть борода, так название одно. Жиденская, аккуратенькая, клинышком.

Только с ними и выходит как-то общаться, на языке Писания, хоть и говорят они на нём как-то странно, по-своему.

За мыслями, за песнями незаметно день прошёл, склонилось солнышко к горизонту, значит, пора и мне на стоянку становиться.

Три рыбины добыл, пожарил, подсоллил чуть, да с хлебом, что в узелке, мамашей мне протянутом съел.

Сыром заел.

Ещё раз благодарность сказал – за круг колбасы – завтра будет у меня кулеш наваристый, в узелке мной обнаруженный, за горсть орехов.

Открыл небольшой флягу-тыковку, сразу учуял запах. Вино.

Разве ж это дело в одиночку пить?

В одиночку только помины справлять.

Закрыл.

Искупнулся, пыль дневную с себя смыл, и готовился уже ко сну отходить, как пошла по воде волна, поднялся ветер.

Неужто блудная бесовка не утомилась?

Поглядим, а если нужно: урок с лозинкой повторю, может не поняла она чего с первого раза.

В этот раз всё потише, поскромнее вышло.

Из середины реки, из самой глубины, поднялась она.

Нагая. Опять.

Не пошёл ей видно в прок урок мой вчерашний.

Глаза злющие. Поднялась и как давай кричать, руками махать.

За ней из воды поднялись семеро.

Все в одних портках, с глазами, которые смотрели на меня, недобро так смотрели, исподлобья.

Ну это им так казалось, что недобро.

А по мне так смотрели те семеро на меня обижено.

Гладенькие такие, аккуратненькие, изнеженные, плавные, будто и не мужики они вовсе, а дивчины.

Накричалась бесовка да пальцем на меня укажи, защитничков своих на меня посылая.

Вздохнул я, а куда деваться?

Ладонью открытой одного приложил, второго.

Один в руку мне вцепился, как дитё на ней повис, что хотел я и не понял, отбросил я его в сторону.

Ещё один что-то с ногой моей затеял, ужом крутился, обвивался, а только я шаг сделал, так тут же завизжал почище дивчин, сам себе что-то по глупости своей защемил.

В общем, вышло странно, будто не с парубками боролся, а с дивчинами.

И стыдно вроде оплеухи отвешивать, неправильно, а как терпеть такое, когда тебя за руку укусить пытаются, за бороду тянут?

Позорней, бестолковой занятия в жизни моей не было ещё, но как-то всё ж справился, утомил я их.

Прутьев наломал, ясно дело.

Высек всех, в целях воспитания, да отпустил восвояси, а сам спать завалился.

Умаялся я малость с ними: восьмерых высечь, да ещё молитвы при том читаючи.

Выспаться не удалось: бесовка-то на защитничков своих крепко обиделась да оставила их на берегу, сама же удалилась в реку.

Так они почитай до утра и рыдали, спать мне не давали.

Встал я, поглядел на позорников этих, с глазами, опухшими от слёз, со следами моих оплеух, у кого где, что за ночь налиться успели, да с задами красными.

Лепечут что-то.

Каются небось.

Морок-то бесовки должно быть спал, понятие пришло, что дурь творили.

Жалко их стало.

Наварил кулеша, жирного, с колбасой.

Покормил, хоть сперва и брезговали они одной ложкой с котла есть.

Вином отпоил, сам, не пил, правда, и показываю, мол, пошли со мной.

Пошли.

До церкви доберёмся, они тут в каждом селении имеются, да сдам их.
Пусть фряги сами разбираются, что с дурнями этими делать.

Радуюсь дню белому да шляху, затянул я песню весёлую.

*Ой, при лужку, при лужке,
При широком поле,
При знакомом табуне
Конь гулял по воле.
При знакомом табуне
Конь гулял по воле.*

Спутникам моим дорога же в новинку оказалась, ранила она их ноги нежные, солнце жгло.

Вскоре причитать, плакать по-новому они начали.

Сперва я лишь подивился-посмеялся, бороду огладил, а потом не до смеху мне стало: стоило солнцу зенит миновать, как болезные под деревом сели, в тенёчке, и как начнут в голос рыдать-всхлипывать, друг дружке ступни свои показывая и другие части, что, признать следует, опухли изрядно.

Подошёл я к ним, показываю, - дорога, мол, идти дальше нужно.

Лепечут что-то, ступни показывают – теперь мне.

Господи... ну что с ними делать?

Ладно, показал им что б сидели тут и никуда не ходили.

Дважды показал: вы тут сидите, а я вот туда иду, а потом возвращаюсь за вами.

Не уверен, что до них дошло, но решил, в третий раз не объяснять: далеко они всё равно такие уйти не смогут.

Как выяснилось, до селения не дотянули они совсем немного: шлях несколько раз вильнул меж холмами, вздрался на один, второй, а с третьего – вон она церквушка, селением окружённая, виднеется.

Местный поп совсем уж плохо знал язык Писания, а что знал говорил так неразборчиво, что понять что-то невозможно было, поэтому с ним объяснялся больше жестами, чем словами, но в этом деле я уже изрядно поднаторел, поэтому показал: больно, семеро, там, повозка забирать.

Понял.

Поехали мы за болезными.

Помог я их погрузить в повозку, да рукой махнул на прощание, и пошёл к реке, к ночи готовиться.

Рыбы наловить не удалось.

Я огорчился, а там и причина моей неудачи появилась.

Блудница.

Она стояла на середине реки. Не кричала, как вчера, говорила что-то, зло так: колдовство, должно быть, своё бесовское наводила.

Эх... не пошла ей моя наука впрок, совсем дурная, видно...

Прочитал я «Живый в помощи», знак защитный сотворил, да кулеш собрался готовить, а тут вода перестала бесовку держать, грохнулась она в реку.

Видно, всё ж проняла бесовку моя молитва, раз чары её бесовские прахом пошли.

Выбралась, удивлённая, на берег.

На тот, что нужно.

На котором я её ждал.

На задую уже живого места нет, а ума так и не прибавилось.

Ничего, может, с этого раза дойдёт до неё.

Высек, как того требовала наука, да отпустил.

Хотя она никуда не пошла, так и осталась лежать на траве, задом своим кверху, то ли плача, то ли ругаясь тихо.

Как я и думал – рыбы не было из-за её бесовски проделок.

Со второго раза рыбину мне удалось добыть.

Крупу и колбасы остаток решил побережь, только рыбой на ужин обойтись.

И это ночью выспаться не удалось: бесовка, отлежавшись, пошла к воде плескаться, потом начала плакать, потом на меня бросаться, не прекращая при этом плакать, потом опять в реку полезла, едва не утопилась, пришлось мне её доставать.

Она отбивалась.

Исцарапала меня всего.

Сказал, что, если она это продолжит, – получит по заднице ещё раз.

Подействовало.

Прилегла опять, зад свой исполосованную луне подставила.

Плачет, что-то лопочет, жалостливо.

Ага, так взял я и поверил, не дурной чай, помню, что отец Иннокентий да дед Свирид говорили по поводу бесовских хитростей... и тут, как гром среди ясна неба, до меня доходит: поняла она, что я сказал, поэтому утомилась... поняла...

- Бесовка блудливая, ты что ж это речь мою разумеешь?

Отвернулась, демонстративно так, как кошка, которую уличила в том, что она до сметанки добралась, чем убедила меня в моих подозрениях.

- Бесовка, ты нос не вороти: отвечай.

Плакать перестала.

Тут же.

Засопела.

Сердито так.

Как есть – понимает. Каждое слово.

Ух, бесовская сила... но ничего, подход известен, развяжу я тебе язык:

- Знаешь, на галерах пороли за любую провинность, да не просто пороли, потом окатывали забортной водой, солёной, почитай, огнём пекельным живого жгли, так вот подумалось мне может слабо я тебя сёк, вот ты урок всё никак в толк взять не можешь, - замерла бесовка не душит, напряглась, - может, солью мне зад твой посыпать да опять высечь? Авось поможет...

Сорвалась бесовка, к воде спасительной бежать собралась.

Быстра бесовка, да быстрее я: за ногу её ухватил, так она и упала, лицом вниз, заверещала:

- Барбар! Животное! Пусти!

И ногами дрыгать стала.

Поднялся я, всё также её за лодыжку держа, встряхнул раз, другой и говорю:

- Будем говорить или всё же для начала мне тебя опять высечь?
- Помолчала бесовка, да отвечает:
- Не надо сечь.

Ох, и заговорила бесовка, прям баба базарная, торговку уличившая в обвесе.
Виноват я оказался во всех бедах её великих.

Высек-унизил, зад её всеми любимый попортил, а она ж только и делала, что любила с парубками, а они ж сами к ней ходили.

Аколитов её боем побил, да священникам отдал, и нет теперь у неё любимцев красивых, а она, дескать, их по всему краю собирала, чтоб красивые, ухоженные.

План её красивый порушил, ведь должен был я, по разумению её, бесовскому, блудному, увидев, что не держит вода её, что тонет она, что плачет, проникнуться жалостью, влюбиться, а я её – сечь.

Носом, разбитым шмыгает, не удачно больно упала, когда я за лодыжку её ухватил.

С трудном сдерживался я, что не расхохотаться, а как начала она расписывать, какой чурбан, барбар я, раз слезам её не поверил, так тут уж расхохотался в голос:

- Да где ж это видано, чтоб бесовке блудливой хоть капля веры была?

- Я – нимфа, а никакая не бесовка, барбар ты дикий.

И глазищами своими сверкает, а под ними уже синяки наливаются начинаются.

Смех один.

- Никакой я не барбар, вольный человек я, а ты – бесовка, суккубом прозываемая, и голову мне не дури, а расскажи ты мне лучше: кто тебя языку людей вольных научил? – отсмеявшись, слёзы утерев, сказал я ей, а надежда всё ж в сердце моём затеплилась, может, есть ещё кто родной на земле этой чужой.

- Суккуб?! Я?! Да чтоб ты знал, барбар, бородатый, неотёсанный, я – сама нимфа Салмакида, дочь речного бога Меандра!

- Бог один. Истинный.

- Да как ты смеешь?

- Может всё ж мне тебя высечь ещё раз?

Молчит.

Смотрит.

- Так мне тебя высечь? – повторил я вопрос.

- Не надо.

- Чтоб бесов, родичей своих, больше богами не величала. Поняла, бесовка?

- Поняла.

- Так кто тебя языку вольных людей обучил?

- Да никто.

- Ты мне голову не дури, бесовка, я тебе не малец безусый, чтоб в игры твои играть.

Отвечай.

- Да не знаю я твоя язык. Я с тобой не словами общаюсь, на губы мои посмотри.

И то правда – не двигались губы её.

- Вот оно как... - вздохнул я.

Бесовская уловка всё это, не было вольного, что языку её нашему обучил.

Один я в земле этой.

Один...

Вздохнул я, узелки, котелок на рогатину подвесил и пошёл прочь.

- На глаза мои не вздумай попадаться: больше жалеть не стану.

Всё ж нашла, бесовка, как больнее ранить: сперва дала надежу, а затем забрала её.
Дураком выставила.

Посмеётся, теперь небось, над дурнем вольным, поверившим, что родного кого отыскать
в этом краю сможет.

Пусть смеётся.

Не тот вольный, кто никогда не падал, а тот, кто упал да поднялся.

Я – поднялся.

Я – иду.

Душно мне вдруг сделалось.

Не от ветра-солнца, не от холмов, надо мной нависших, от чего-то, что изнутри будто
горло моё схватило.

Бывает такое.

Ничем не помочь.

Нужно просто перетерпеть.

Выпьем же! Помянем мы...

Э-э-э-э-э...

Другов не вернувшихся...

Э-э-э-э-э...

С сечи не вернувшихся...

Э-э-э-э-э...

ВЫПЬЕМ!..

Э-э-э-э-э...

На самой города, с церковью, куда сдал защитников бесовки, подозвала меня жестом
мамаша, краюху хлеба протянула, водой напоила.

Стало легче чуть, ослабла хватка на горле.

Поклонился я ей благодарно.

Река щедро со мной рыбой поделилась, да так, что понятно стало, - без бесовки дело тут
не обошлось.

Где ж это видано, чтоб рыба сама на берег выпрыгивала?

Бесовские проделки всё это – то и без попа ясно.

Да и поостыл я уже, не так сердит был за шутку её злую, потому, пока рыбу жарил, лук
дикий разыскивал, ждал, когда ж она явится и чего в этот раз удумает.

Явилась.

Тихо так, скромно.

Встала по средь реки и стоит.

И не нага, как все прошлые разы – видно, впрок моя наука ей пошла, правда, не до конца,
платье-то бирюзово-синее, волны цветом, и такое же прозрачное, как вода речная.

Бесовка, что с неё взять?

- Ладно, - говорю, - погорячился я вчера. Иди сюда, рыбой поделюсь, хлебом.

- Больно нужна мне эта рыба твоя вонючая.

Действия её явили полную противоположность слов, и скоро бесовка уже была рядом.

- Какую каверзу сегодня решила удумать? – спросил я больше для смеха, чем для дела.

- А может быть я мириться пришла?

- С кем?

- С тобой, барбар ты бородатый!
- Так мы вроде и ссорились, чтоб теперь мириться.
- Как не ссорились? А это что? Это от доброты твоей? Ты только посмотри, что ты сделал... - и задом мне в лицо своим давай тыкать.
- Для науки, чтоб не шалила больше, парням молодым голову не дурила бесовскими своими уловками.
- Это всё они ко мне липли, всё упрасивали. А я между прочим – нимфа, дочь... - осеклась, сообразив, что отца своего при мне лучше не поминать.
- Вишь как оно – хотела глупость сказать, да науку мою вспомнила, значит, не зря тебя я сёк, не зря.
- Не зря?! Не зря?! Ты посмотри, а если она так и останется? Меня ж подружки засмеют. И кому я с таким теперь нужна буду? А? Всю красоту испортил и болит, знаешь как? Вот знаешь?
- Для порядка я всё же поглядел на результаты трудов своих: бил я много, но аккуратно, поэтому стоит дать время синякам налиться, а потом сойти – будет всё, как и было.
- Знаю. – ответил я и почесал рубцы на спине, гостинцы из плена мной прихваченные.
- Глянув мне на спину, бесовка чуть чувств не лишилась, и как начнёт причитать:
- Это что и меня теперь также?... барбар, миленький, сними колдовство своё, что хочешь сделаю, только сними, не хочу так...
- Ох, и как такую дурную из их бесовской бурсы выпустили-то?
- Какое такое колдовство?
- Её ни разу не пороли что ль?
- Вздыхнул я, сказы деда Свирида припомнив, о том, как люди вольные на службу себе бесов брали, хутора в степи строили и много чего ещё хорошего для людей добрых делали, да усмехнулся: наслужит мне такая бесовка, настроит.
- Сейчас полечим немного и всё хорошо будет, лучше, чем прежде, – так и не притрунувшись к рыбе, пошёл я травы потребные искать, добавив, когда отошёл, - Господи, прости...
- Травки потребные в кашницу перетёр камнями, нанёс аккуратно, вернулся к рыбе.
- Поужинать потребно.
- Сегодня рыбы столько, что можно наесться вдоволь.
- Теперь всё пройдёт?
- Пройдёт, пройдёт. – заверил я бесовку и перед тем как наконец куснуть рыбу, добавил.
- Седмицы через три, может, четыре.
- Четыре? – взвизгнула она в ответ, а, погодя, глупость глупую спросила. – А сколько это седмица?
- Семь дней... - договорить я не успел, подивиться тому, как не знать можно такие вещи простые.
- Три декады... - взвыла бесовка и ко мне подскочила, начала за руку дергать, - барбар, миленький, а никак быстрее нельзя? Больно же... подружки смеются...
- Никак.
- Видно, больно сурово я это сказал: расплакалась бесовка.
- Да что за позор это? Всем бесы как бесы достаются, а мне это недоразумение.
- Ворочусь в край родной, начну рассказывать, так вралем заклеят, скажут: не бывает таких дурных бесов.
- Злой ты, барбар, ну что я тебе такого плохого сделала, что ты со мной так?
- А парубкой из селения, кто сманивал, да так, что собрались люди и скинулись деньгой, чтоб тебя истребить?

Теперь-то понятно, что сманивала, на ночь, а не убивала, но это теперь понятно, а не тогда, когда я шёл с чудо-юдой бороться, в пруду обитающей.

И, если уж не кривить душой, речь поп скорее всего вёл об exterminare – о том, чтобы прогнать, а я подумал, что от говорит об exterminate – истреблении.

Всё ж лучше надо было учить Писание, внимательнее.

- Не сманивала я никого... я на берегу сидела, волосы расчёсывала... они сами... и вообще потом они уходили...

- А те семеро? – жуя, напомнил я бесовке.

- Это мои аколиты, я ж говорила. Они сами мне служить захотели.

- Складно у тебя всё выходит: всё-то они сами, а твоё дело вроде как сторона.

- Ну что я виновата в том, что я такая красивая и всем нравлюсь?

Усмехнулся я: не бесовка будто, а дивчина обиженная со мной говорит.

- Значит внимание мужское тебе не нравилось? Так что ль выходит?

- Ну почему же не нравилось... - замялась бесовка.

- Вот о том и я. Парубки, конечно, дурные, что в ловушку твою, бесовскую, попались, так ловушку ту ты сама расставила, и радовалась, когда в неё новый дурень попадает.

- Ты не прав, барбар... ну что плохого я делала: всё ж довольны...

- Жены-матери не в счёт?

- Ну почти все...

- Вот.

- Что «вот»? Что «вот»? Все довольны, все получили, что хотели, а мне за это вот это? – и на зад свой оглядывается. – И три декады страдать? Барбар, почему одна я должна страдать?

Головой покачал: признать стоит, обида её понятна мне.

Если по уму всё делать, так надо было и блудникам, что к бесовке бегали, прописать лозины, так что б седмицу сесть не могли. В родном краю я б так и сделал, но то в родном краю, а как оно у фрягов принято – то Истинному одному известно, да и платили мне чтоб я от бесовки их избавил, а не за то чтобы я мужичков их уму-разуму учил.

Вот и получатся, что все, даже я, получил, что хотел – одной бесовке через это страданье.

- Что, барбар, замолчал, головой качаешь?

- Да думаю: то ли, Господи, прости меня грешного, признать твою правоту, то ли высечь, чтоб не смущала ты меня своими бесовскими речами. Ты что выбрала б?

- Не надо меня сечь...

Вздыхнул.

Оно я и не собирался бесовку сечь, так ради шутки сказал.

Видно же: совсем дурная она, ничего в ремесле своём бесовском не смыслит.

Ни хитрости, ни ума, бесам приличествующих.

Срам один.

- Пострадала ты, бесовка, из-за своей природы бесовской. – признал я её правоту.

Бесовка видно хотела что-то сказать в ответ, передумала, потом ещё что-то передумала говорить, пока наконец не сказала:

- Барбар, ну не зови меня бесовкой. Нимфа я, Салмакида.

Салмакида – сразу видно бесовское имя, язык его с трудом выговорить может.

Потребно что-то наше, чтоб звучало.

- Сальмой будешь. – покрутив на языке имя, принял я решение.

- Не буду.

- Дело твоё.

- Ну, барбар, что тебе так трудно Салмакидой меня звать?

Почесал я бороду, да признался:

- Дурное у тебя имя, бесовское. Сальма – куда лучше звучит. Вот сама послушай.

И пропел «Сальма», легко, позволив имени раствориться в ночи, а следом протарахтел «Салмакида».

- Слышишь разницу? Твоя «Салмакида» - не имя вовсе, а будто повозка по булыжникам скажет. А «Сальма» - будто из песни слово взяли.

Помолчала бесовка, соглашаться со мной не стала:

- Я подумаю.

- Ну думай, а я спать буду. – хоть и понимал, что нужды особой нет, но добавил. – Если глупость какая в голову придёт – о лозинках вспомни.

Проснулся я от всхлипов.

- Барбар, миленький, ну за что ты меня так? Я думала: мы помирились, зачем ты со мной так? Всю красоту забрал.

Бесовка плакала, смотря на своё отражение в реке, а как повернулась ко мне, так стала ясна причина её печали: нос, разбитый, опух, под глазами синяки налились, волосы спутались, трава, листья, ветки мелкие в них какие-то, глаза, лицо, краснющие, опухшие от слёз.

Без сочувствия и не взглянуть.

- Барбар, я ж на всё, на всё, готова, только верни, как было, верни... не хочу такой быть...
- и ко мне на четвереньках ползёт.

Что за напасть?

Схватил её подмышки, над землёй поднял, встряхнул легонько.

- Пройдёт всё. Я ж сказал.

А она мне в ответ ревёт:

- За что ты со мной так?..

Совсем дурная.

Не били её что ль ни разу, раз ушибы обычные такой отклик вызывают?

«И такое может быть, - рассудил я, - край чужой, фряжий, нечисть тут другая, бесы, по всему видно, тоже не те, что у нас, помельче, пожиже».

- Пройдёт всё. – говорю. – Пойдём, умоем тебя, причешем.

Она опять в слёзы. Гребень потерялся где-то.

Больно мне тот гребень нужен...

Руками причесал, веточки, листья выбрал, косу славные, толстую, сплёл.

Водой речной, холодной, умыл.

- Не слезы твои вытираю – умываю тебя, чтоб ты снова видела мир ясным.

- Опять колдуешь?

Что ты с ней делать будешь?

Чтоб вольный и колдовал, где ж это видано?

- Опять. – кивнул я.

Всех бед, конечно, не исправил, но выглядеть бесовка стала не так жалко.

Вчерашнюю рыбу есть отказалась.

Без слов.

Головой помотала, а как собрался я уходить, так она за мной.

Говорит, мол, не станет такой своим показываться, издеваться будут.

Это я понял, такое и про меж нас, людей, водится, а уж среди бесов, так точно сто крат сильнее быть должно.

Но я ей всё равно отказал:

- Не можно, чтоб рядом да такое непотребство со мной было. – и на наряд ей показываю.

Кивнула, и платье её плотнее стало, утратив прозрачность былую.

- Пойдём тогда. – оценив бесовскую штучку её, кивнул я. – Только смотри мне чтоб людям зла никакого не творила – о лозинках помни.

- Кто на меня на такую хоть взглянет... - не договорила, опять заплакала.

Да что ж ты с ней дела-то будешь?

Не бесовка, а наказание...

Или всё ж благословение?

Хоть и бесовка, блудливая, а всё ж есть с кем теперь поговорить-поспорить, о былом не вспоминать, о грядущем не думать, тоске-кручине не позволить душу тисками сковать, сил последних лишив, надежды, едва живой.

Наказание, как есть наказание.

За грехи мои тяжкие.

Прошли мы всего-ничего, солнышко только-только припекать начало, как бесовке дурно стало, в пыль дорожную упала, лицо своё многострадальное ещё сильнее расшибла.

Пришлось на руки её брать, в тень нести, водой отпаивать.

Поглядел я на бесовку, и так, и эдак покрутил: рубцы на заду вспухли, жаром пышут, ступни поранены, да поболее чем у позорников давешних, аколитов этих, лицо после падения пуще прежнего опухать стало.

Плачет.

Почесал бороду.

Беда...

Слабая совсем оказалась бесовка, не хватило силы трав, чтобы болезнь отвести.

Шёпотком придётся воспользоваться.

Не молитвой, какая молитва о помощи бесовке?... шёпоток нужен, из тех, что мать меня учила...

Господи, что я за глупости творю, ужель дуростью от бесовки это непутёвой заразился?

Вдохнул: хоть и бесовка, а всё ж не бросишь.

Сделал всё, как положено.

Каждой травинке, прежде, чем сорвать, - свой шёпоток.

Примочки, отвары, - все со своими словами тихими, да верными.

Когда повисала тишина, чтоб не было соблазна у бесовки вновь разрыдаться, так о крае родном говорил, о садах наших, о земле щедрой, о нас, о людях вольных.

К вечеру отпустило бесовку, вздохнул я с облегчением.

Хоть не так далека была река, можно было и рыбы наловить, но не стал далеко отходить: сел варить кулеш с остатком колбасы.

Кулеш сделал чуть жиже, чем обычно, - не знаю, чем там бесовки силы свои подкрепляют, но от кулеша доброго точно вреда не будет, тем боле слышал я как у неё живот урчал.

Попробовал я кулеш.

Славный вышел, наваристый.

Зачерпнул вторую ложку, бесовке сунул.

- О лозине-то помни. – упредил я её возражения.

Бесовка сперва с неохотой жевать стала, а потом ничего – на пару мы котелок весь и срубали.

Поели, а там и пора спать настала.
Уснул бы я, да бесовка всё ворочалась, никак ей сон не шёл.
Вздыхнул я, сел и песню тихую затянул.

*Распрягайте хлопцы коней,
Да ложитесь поживать.
Я пойду в садок зелёный,
Криниченку покопать.*

Допел, а она мне и говорит:
- Барбар, и что это было?
- Песня, чтоб засыпалось тебе быстрее, легче...
- Засыпалось легче? Кто под это может засыпать?
- Я в детстве засыпал, - огорчили меня слова, - но погоди гневиться, есть у меня и другие песни, колыбельные.

Сказал и запел колыбельную, что только в доме родном и слышал.

*Когти, нрав свои умерь.
Песни пой и смейся звонко.
Жить в станице привыкай,
Назови её ты домом.*

*Сам себя ты скуй молитвой.
Волей, словом себя скуй.*

- Барбар, кто ж такие ужасы ребёнку петь будет? Это ж не песня, а заклятие, колдовство это. – дослушав бесовка произнесла.

- Не права ты. Песни это, просто песни края моего родного. – покачал я головой несогласно. – Иное детям своим поют в этом краю?

- Иное. – сказала и запела.

*Спите, мои малютки, сладким и утренним сном,
Спите, душа моя, два брата, счастливые дети.
Счастливо вам поживать и счастливо увидеть рассвет.*

Печально так спела, будто вода в ручье журчала.
- Славная песня. Споёшь ещё?
Кивнула бесовка и запела.

Так она и пела, песню за песней, пока не стал голос её тише, а там уснула бесовка.
Уснул и я следом.

Потру осмотрел бесовку.

Без слёз не взглянешь: опухоль спала, зато и лицо, и зад стали сине-фиолетовыми, лицо-то ещё ничего, а зад, полосатый вышел, одна полоска такая, другая чуть иная, как раз как

лозинки ложились, на коленях ссадины от падения, на ладонях, мелкие, но досадные, ступни нежные ходьбой по шляху изранены.

- Не молчи, барбар, ты говори, говори, как есть...

- Седмицу-другую парни точно могут спать спокойно.

Бесовка тут же в слёзы.

Насилу успокоил, объяснил, мол, хорошо всё, может, и не придётся четыре седмицы ждать, за две всё сойдёт.

Принюхался, определяя, в каком направлении ближайшее селение.

Не далеко оказалось оно, да и не так чтоб и близко: не дойдёт до него бесовка, потому самому надо идти.

Обувь раздобыть для бесовки, чтоб дорога ноги не ранила, шляпу, голову её глупую-бедовую от солнца прикрыть. Потребно также запасы пополнить: истощились они со всеми делами этими странным. Попа расспросить тоже не мешало б, может, нечисть какая фрягов тревожит и готовы они мне за избавление деньгу дать.

Обещал воротиться до заката, да пошёл.

Из нечисти и душегубов в округе местный поп только и смог что криво рассказать о селении, которое я от бесовки избавил.

Улыбнулся я – ноги мои быстрее слухов оказались, не знал поп, что бесовка та сейчас если и способна какое чувство к себе вызвать, так только жалость.

На торгу, что перед церковью раскинулся, нашёл я на прилавке башмаки – из кожи, на ремешках, без каблука. Как чувяки. Но не чувяки. Тяжелее. Грубее. Я взял один в руки, помял – и понял: из той же кожи, да не теми руками сделаны, но ногу держат должны. Ладно, сойдёт.

Тут же нашёл и шляпу – из соломы, широкую, как брыль. Покрутил её в руках. Легкая, от солнца спасение.

Поторговался – язык в том деле лишь помеха.

Купил и то, и другое.

Припасов взял.

Кубышка моя с тех трат полегче стала, да о том я себе думать заказал: не оставит меня грешного Господь, Истинный, работа какая для рук моих отыщется ещё.

Бесовка ждала меня там же, где мы с ней расстались.

Рукой приветливо помахала, меня завидев.

Помахал и я в ответ, уже чуя запах чужой, под знакомый спрятавшийся.

Кого иного, на глаза полагающегося, верящего им без остатка, провести можно было, не меня.

Подошёл я, покупки-обновку на землю опустил.

- Заждалась я тебя. – подошла ко мне она.

Я ещё раз принюхался.

Ошибки быть не может.

Без взмаха оплеуху отвесил.

Отлетела она, в воздухе перекувыркнулась несколько раз, да по земле проволоклась, пока о ствол дерева не ударилась.

Подняться, кровью, отплеваться не успела, а я рядом уж.

Наклонился, пальцами горло охватил, да подняв, сдвигал.

Захрипела, забила она.

И пусть силы моей осталась мало, вся, почитай, водой в землю ушла от плена, от жизни голодной, да и тех капель всё ж довольно было, чтобы не разжались пальцы мои.

- Меня ли характерника, дедом Свиридом ученного, перевертень ты глупый обманом обмануть мыслил? Спрос с тебя будет только один раз. Получу ответ потребный – жить дозволю. Нет – удавлю тут же, по следу твоё логовище поганое найду и огнём, молитвой пожгу всех и всё дотла. – чуть ослабил хватку, позволил вздох сделать и поднёс лицо разбитое к своему лицу, вопрос задал. – Куда бесовку, чей облик ты украла дела?

Поплыл облик, стёрлись черты, лица знакомые, прохрипела перевертень:

- Салмакис... сестра...

Господи, что я грешный творю?

Успокаиваю хнычущую нечисть, водицей отпаиваю, раны обрабатываю, что сам же только что и нанёс.

Перевертень эта, Ментором назвавшаяся, сестрой моей бесовке приходилась, - её их старшая, Майя, отправила узнать, где там Сальма запропастилась.

Сестру кулёма эта домой спровадила, да меня осталась ждать, чтоб поквитаться с обидчиком сестры, со мной, значит.

Поквиталась.

Вон результат на лице: половина опухла, глаз заплыл, губы-олады, в ссадинах вся, хотя кости целы вроде, но то просто воля случая, её удача.

Думал, что мне одна такая бесовка бестолковая попалась, а тут вторая такая же.

Ну кто ж к медведю в берлогу да без гостинцев?

Может, глупость – это у них семейное, эта ж моей вроде, если не врёт (а с бесовки станется), сестрой приходится?

Видел же, боролся с нечистью достойной того, чтобы потом, на земле родной, о том сказывать.

Бирюка одолел, что людей ел и страхом страшным округу покрыл.

С упырями и упырицами бился.

Бесенят гонял мелких, злых и неразумных.

С душегубами местными тоже знакомство свести доводилось.

А тут и не знаешь: то ли смеяться, то ли рядом садиться и плакать.

Подлечил я бесовку эту, через глупость и природу свою бесовскую пострадавшую, рядом сел.

Ночь уж во владение вступила к тому часу.

- Надобно со старшей вашей поговорить, объясниться. Вины Сальмы в отсутствии не было – то дело рук моих. – подумав маленько, сказал я.

Перевертень оживилась-обрадовалась, дорогу тут же согласилась указать, да тут же выложила, что вот там-то я заодно узнаю, как нимф боем бить, красоты дивичей лишать.

Вздохнул.

Совсем дурная: кто ж о таком заранее предупреждает?

Да и не надобно меня о таком предупреждать, свой ум имею: в бесовском гнездо вольного не хлебом-солью встречать будут.

На ногах перевертень с трудом держалась, поэтому пришлось мне рогатину с покупками оставить, Истинный даст в ночи и в дали от шляха, никто их и не заметит (только кубышку прихватил, невелика она, а то как всё ж кто будет, так на прочее может и не позарится, а вот монеты точно возьмёт), на руки бесовку взял и пошли мы, куда она указывала.

Вышли мы споро к поляне, что в тумане утопала, а там к развалинам камня белого, как кости, что в степи давно лежали.

Принюхался.

Серы, огня пекельного не почуял, дымом, смолами, травами всякими, что сгорали, пахло. В селению вышли. Чудному.

Столбы каменные кругом.

На одним статуи стоят, на других огонь горит, а третьи в ряд выстроивших крыши держат. Золото, перламутр, бирюза.

Люди кругом, бесы разные. Встретил даже почти родных, на чертей наших похожих: только у этих почему-то верхняя половина человеческая.

Вино пьют, непотребством разным занимаются, Господи прости.

Взглядом с распутницей одной встретился, так она рукой манить стала, на своём что-то говорить.

Ух... гнездо бесовское...

Знак защитный сотворил.

Молитву прочитал.

- Долго ещё идти-то?

- Пришли. – ответила мне перевертень и рукой указала на ступени, что вверх уходили.

И правда – пришли.

Капище поганое, средь роскоши, нечистой, распутной.

Старшую их, Майю, я сразу признал, не нужны были в том помощники: лежит на подушках, а кругом парубки лоснящиеся, будто салом обмазанные, один ножки ей глади, другом ручку, третий виноградинки в рот вкладывает, с чашей, с кувшином, ещё с чем-то, стоят рядом, сидят, лежат.

- Ну я пойду? – пробовала выскользнуть из рук моих перевертень.

- Погодь, может ещё на что сгодишься. – прихватил я её, удрать не дал.

Бесовское племя подлое, мало ли какую каверзу удумала, тем боле ещё Сальму не видать. Встал я там, где посвободней было, да к старшой обратился:

- Пани бесовка, дозвоьте человеку вольному, под Господом ходящему, слово молвить.

Не обратила она на меня внимания.

Пальчиком своим с ногтем длинным жест сделала, поднесли к губам её кубок.

Во второй раз обратился к ней, топнув в конце.

Несильно трянуло капище, никто и не заметил, значение не придал.

Пред тем, как в третий раз к старшой обратиться, прочитал «Живый в помощи», да в конце топнул вновь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.